

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИГРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ ГРУППЫ РИСКА В УСЛОВИЯХ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© Игорь Константинович НИЖНИХ

Московский городской педагогический университет, г. Москва,
Российская Федерация, соискатель, кафедра теории
и истории педагогики, e-mail: igor-nizhnih@yandex.ru

Рассмотрены проблемы формирования правовой культуры у подростков группы риска. Представлены различные подходы к пониманию правовой культуры и механизмам ее формирования. Под влиянием социально-феноменологического подхода правовая культура определена как совокупность знаний, идей, ценностей, обеспечивающих взаимную интерпретацию и понимание всех субъектов правоотношений, и возможность их правового поведения. Показана роль социально-правовой установки, понимаемой как нерелексивная готовность к определенному типу интерпретации поведения субъектов правоотношений и определенному поведению, в качестве ядра правовой культуры. Выявлена структура правовой культуры как педагогического феномена и ее соотношение с социально-правовой установкой. Предложена педагогическая модель, основанная на использовании игровых форм и позволяющая формировать правовую культуру даже в условиях негативной социально-правовой установки. Дана краткая характеристика использованных игровых форм. Раскрыты особенности этапов опытно-экспериментальной работы, принципы построения педагогической модели формирования правовой культуры. Приведены доказательства эффективности формирования правовой культуры старших подростков из группы риска с помощью игровых форм.

Ключевые слова: правовая культура; социально-правовая установка; игровая деятельность; подростки группы риска.

Целый ряд причин социально-экономического и научного характера актуализировали в настоящее время проблемы формирования правовой культуры у подростков группы риска. В последнее десятилетие появилось много исследований, посвященных педагогической поддержке детей группы риска (Л.Я. Олиференко, Т.Н. Шульга, И.Ф. Дементьева, И.Л. Невский, Л.С. Колесова; Н.Н. Савина; Т.Н. Шульга, Ю.А. Разенков; Т.К. Федорова, В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс и др.). Содержание понятия «дети группы риска», возникнув в педагогической науке много десятилетий назад, претерпело ряд изменений. Современный этап изучения этой проблемы связан с привлечением в педагогику идей рискологии. Распространение концепций этого научного направления связано с работами Н. Лумана, М. Дугласа, Э. Гидденса, У. Бека, А. Альгина, В. Лукова, Н. Смакотина и др.

Основываясь на работах названных авторов, мы считаем, что основные характерологические признаки детей и подростков группы риска – это вероятные нарушения основных этапов социализации, в перспективе приводящие к девиациям и делинквентности. Сформированная правовая культура может послужить важным фактором, преду-

жеждающим развитие девиаций у подростков данной группы [1; 2].

В большинстве определений правовой культуры заметно влияние юридических и криминологических исследований (В.К. Бабаев, В.И. Каминская, В.А. Лазарев, А.Р. Ратинов, О.В. Сазонов и др.), которые используют традиционные для марксистской социологии и советской юриспруденции категории «правовое сознание», «правовое поведение», «правовое мышление» и т. п. В этом ряду особенно интересным представляется исследование М.Б. Смоленского [3], который рассмотрел правовую культуру с иных методологических позиций, основываясь на идеях философов-постмодернистов и социальных феноменологов. Наиболее ценным в подходе М.Б. Смоленского нам представляется внимание к неформальным, нерациональным компонентам правовой культуры. В педагогике социальная феноменология уже не раз привлекалась в качестве методологического основания в исследованиях [4].

Основываясь на выводах М.Б. Смоленского, мы предлагаем уточненное определение правовой культуры как педагогического феномена. **Правовая культура** – это совокупность знаний, идей, ценностей, обеспечивающая взаимную интерпретацию и понима-

ние всех субъектов правоотношений и возможность их правового поведения. Мы включаем в состав правовой культуры три компонента, что терминологически достаточно близко к существующим типологиям, но содержательно отличается от них. Когнитивный компонент – это знания, обеспечивающие взаимную интерпретацию и понимание всех субъектов правоотношений, в т. ч. знания о правовых нормах, о правовых институтах и правоприменительной практике. Эмоционально-ценностный компонент – это эмоционально-ценностные отношения личности, обеспечивающие взаимную интерпретацию и понимание всех субъектов правоотношений, в т. ч. положительное эмоциональное отношение к основным ценностям правового государства, к правовым нормам, к деятельности его правовых институтов. Деятельностный компонент – это привычно осуществляемое поведение в соответствии с нормами права в повседневной деятельности.

Наряду с ними мы выделяем внутреннюю социально-психологическую составляющую правовой культуры – социально-правовую установку. С учетом выводов, полученных Н.В. Щербаковой [5], мы определяем ее как нерелексивную готовность к определенному типу интерпретации поведения субъектов правоотношений и определенному поведению.

Основной идеей, на которой основывалась предлагаемая нами модель формирования правовой культуры у подростков группы риска, явилось предположение о том, что методы формирования правовой культуры у этой категории подростков должны учитывать существование выраженной нигилистической социально-правовой установки. Подростки враждебно, в лучшем случае нейтрально воспринимали такие формы работы, как лектории, экскурсии, проектные задания в тех случаях, когда в них даже отдаленно присутствовало правовое содержание или контекст.

Единственная форма, которая позволяет «обходить» действие нигилистической правовой установки, – это игра. В силу своей свободы и возможностей проявления творчества игры в меньшей степени «блокируются» нигилистической социально-правовой установкой [6]. В педагогике уже имеется описанный опыт использования игровых форм в коррекции поведения девиантных и трудных подростков (М.Н. Добрунова [7], К.О. Хво-

стунов [8] и др.), но во всех известных нам работах они рассматривались как один из элементов коррекции.

Особенностью нашего исследования, определяющей внимание к использованию именно игровых форм, было то, что все подростки группы риска из нашей выборки (43 респондента) в той или иной степени имели контакты с системой дополнительного образования. Менее половины из них (42 %) постоянно посещали определенные студии, кружки или клубы, остальные посещали эпизодически, меняли клуб или секцию, но, тем не менее, сохраняли некоторую минимальную степень участия с учреждениями системы дополнительного образования.

Для диагностики подросткам был предложен стимульный материал: изображения, содержащие ряд реалистичных повседневных ситуаций. Они были сгруппированы вокруг основных сфер повседневной жизни подростков: «Я и улица», «Я и школа», «Я и товарищи».

Каждая ситуация была снабжена рисунком, названием и описанием. Рисунок максимально индифферентно, схематично отображал основных персонажей: предполагаемого персонажа, с которым может осуществить идентификацию респондент, и персонажа – представителя социального института, который осуществляет нормативную регуляцию. Название располагалось внизу картинки и кратко определяло изображенную ситуацию. Например, на рисунке с названием «Ученик и учитель» из серии «Я и школа» были схематично изображены две фигуры (взрослого и подростка) в статичных позах без признаков экспрессии на фоне стола и учебной доски. В описании к ситуации указывалось, что ученик 10 класса и учитель спорят. Предмет спора – ученик не хочет посещать уроки по определенной дисциплине, ссылаясь на то, что ему «ее не сдавать на ЕГЭ», учитель, естественно, возражает.

Диагностика проводилась в два этапа. На первом диагностировалась социально-правовая установка. Респонденту предъявлялось изображение, задавался вопрос: «Что там изображено?» и с помощью наблюдения оценивалась первичная эмоциональная реакция. Эта оценка дополнялась оценкой отношения, выраженного в устном ответе респондента на вопрос. Оценка соотносилась с ранговой шкалой от градации «крайне нега-

тивное отношение» до «ярко выраженное положительное отношение».

На втором этапе респонденту сообщалось описание ситуации и предлагалось дать ее правовую оценку. При необходимости ему задавались уточняющие вопросы. В том числе спрашивалось о том, какое эмоциональное отношение у него вызывает данная ситуация, как бы он сам поступил в таких условиях. На основании этих оценок эксперты оценивали основные компоненты правовой культуры.

Результаты диагностики на начальном уровне опытно-экспериментальной работы показали, что, в целом, у 64 % правовая культура практически не сформирована, а у 36 % – сформирована на крайне низком уровне (и то только за счет относительно высокого когнитивного компонента). У 98 % подростков выявлена нигилистическая социально-правовая установка, т. е. практически все без исключения старшие подростки крайне негативно реагировали на любую ситуацию нормативной регуляции и необходимости построения своего поведения в соответствии с правовыми нормами, они в первые секунды интерпретировали ситуацию как ситуацию насилия, несправедливости, угрозы и соответственно оценивали действия персонажей.

Как мы уже отмечали, значительная часть подростков группы риска, вошедших в нашу выборку, не имели устойчивых интересов, и их участие в работе различных кружков и секций системы дополнительного образования было эпизодическим. Как правило, они искали возможность «хоть как то убить время». Поэтому на первом этапе мы ставили задачу вовлечь старших подростков в игровую деятельность. В связи с этим использовались простейшие игры-развлечения и игры-соревнования. Определенную роль в формировании мотивации играла и предоставленная (в ограниченном объеме) возможность играть в некоторые виды компьютерных игр.

После того, как у подростков сформировался некоторый минимальный уровень устойчивого интереса, мы перешли ко второму этапу формирующего эксперимента. Организация игр с использованием элементов символики, атрибутов, связанных с существующими в нашем обществе в настоящее время правовыми институтами.

Например, во время выездной спортивной игры с элементами ориентирования и

эстафеты у команд использовались элементы служебной символики (в т. ч. формы) спецподразделений полиции. У некоторых подростков это вызвало резко негативную реакцию, но т. к. речь шла, как правило, об отдельном атрибуте (части эмблемы и т. п.), то под влиянием азарта и желания играть подросток соглашался с их использованием. Тем более, что альтернативной форменному бушлату являлись тучи комаров в майском лесу.

На третьем этапе опытно-экспериментальной работы мы предлагали подросткам исключительно ролевые и деловые игры. Наиболее крупная ролевая игра использовалась в кратковременном выездном лагере. Она называлась «Заговор». Согласно сюжету, «секретная спецслужба» королевства Эдам борется с заговором, который организовали другое государство и местный криминалитет. За «секретную службу» играли подростки, за «заговорщиков» – вожатые. В ходе развития игр этой линии постепенно усиливалась драматическая составляющая игры, точность отображения отношений и переживаний персонажей.

Деловые игры правовой направленности предлагались подросткам в рамках их посещения учреждений ДПО. Основным мотивом, на который опирались педагоги, вовлекая подростков в эту деятельность, был мотив повышения степени своей правовой защищенности. Например, предлагалась деловая игра «Судебное разбирательство». Деловые игры обеспечивались вариативным сюжетом, в них использовался соревновательный компонент. После деловой игры следовал анализ действий игроков, в ходе которого обязательно затрагивалась нравственно-этическая оценка действий персонажей, «как если бы они происходили в действительности».

Логика организации игровой деятельности была основана на нескольких принципах.

1. Постепенного возрастания степени присутствия в сюжете игр правовых элементов (от минимального, до сюжетов, полностью основанных на правовых коллизиях).

2. Периодичность смены игровых ролей, связанных с деятельностью субъектов правоприменения (подросткам от игры к игре предлагалось исполнять различные роли, например «хороших» полицейских, судей, директоров школ и пр.).

3. Запрет на игры, в которых возможен согласно правилам и сюжету безусловный выигрыш «социально-плохих» персонажей

(«разбойников»). Выигрыш такого рода должен обязательно предполагать то или иное нарушение правил, этических норм.

4. Постепенное усложнение сюжета используемых игр вплоть до игр-драматизаций.

5. Постепенное расширение используемых игровых форм: от игр-соревнований до сложных сюжетно-ролевых.

6. Формирование игровых сюжетов в соответствии с основными сферами повседневной жизни подростков: «Я и школа», «Я и улица», «Я и мои товарищи», «Я и правоохранительные органы».

В течение двух лет опытно-экспериментальной работы мы получили данные, показывающие эффективность использованной нами модели. Основным положительным результатом ее использования явилось изменение социально-правовой установки в показателях, нормированных на 100-балльную шкалу, – она возросла на 33,4 % (с 14,6 до 48,0 %). Причем наиболее значимо изменился эмоционально-ценностный компонент – он возрос с 10,2 до 56,6 %, и качественно изменилась социально-правовая установка. Подростки перестали проявлять «установочную» враждебность на любые ситуации, связанные с возникновением правоотношений, особенно в сфере «Я и школа», «Я и улица». Значимо снизилась выраженность нигилистической установки в сфере «Я и правоохранительные органы».

В целом, проведенный теоретический анализ и результаты опытно-экспериментальной работы позволяют предположить, что предложенная нами модель формирования правовой культуры эффективна в работе с подростками группы риска. Ее эффективность основана на том, что она может быть использована при наличии выраженной нигилистической социально-правовой установки у подростков, и в ходе реализации ее элементов происходит коррекция последней. Таким образом, предлагаемая нами модель формирования правовой культуры подростков с помощью игровых методов наиболее эффективна на начальных этапах формирования правовой культуры, т. к. после ее применения подростки оказываются восприимчивы к более широкому спектру форм и методов воспитательной работы.

1. *Евсикова Е.И.* Формирование правовой культуры школьников: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Якутск, 2007.
2. *Ибрагимова З.Н.* Формирование правовой культуры старших подростков в условиях школы-интерната: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тверь, 2013.
3. *Смоленский М.Б.* Правовая культура как элемент социокультурного пространства: перспективы становления в современной России: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д, 2003.
4. *Воропаев М.В.* Теоретические основы построения типологии воспитательных систем: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2003.
5. *Щербакова Н.В.* Проблемы правовой установки личности. Ярославль, 1993.
6. *Нижних И.К.* Формирование у старших подростков с девиантным поведением ценностного отношения к нормам права средствами игровой деятельности // Образование. Наука. Научные кадры. 2011. № 4. С. 217-221.
7. *Добрунова М.Н.* Коррекция девиантного поведения подростков в условиях оздоровительно-образовательных центров: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2008.
8. *Хвостунов К.О.* Социально-культурные условия профилактики девиантного поведения подростков в учреждениях дополнительного образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2004.

-
1. *Evsikova E.I.* Formirovanie pravovoy kul'tury shkol'nikov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Yakutsk, 2007.
 2. *Ibragimova Z.N.* Formirovanie pravovoy kul'tury starshikh podrostkov v usloviyakh shkoly-internata: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Tver', 2013.
 3. *Smolenskiy M.B.* Pravovaya kul'tura kak element sotsiokul'turnogo prostranstva: perspektivy stanovleniya v sovremennoy Rossii: avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk. Rostov n/D, 2003.
 4. *Voropaev M.V.* Teoreticheskie osnovy postroeniya tipologii vospitatel'nykh sistem: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. M., 2003.
 5. *Shcherbakova N.V.* Problemy pravovoy ustanovki lichnosti. Yaroslavl', 1993.
 6. *Nizhnikh I.K.* Formirovanie u starshikh podrostkov s deviantnym povedeniem tsennostnogo otnosheniya k normam prava sredstvami igrovoy deyatel'nosti // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2011. № 4. S. 217-221.
 7. *Dobrunova M.N.* Korrektsiya deviantnogo povedeniya podrostkov v usloviyakh ozdorovitel'no-obrazovatel'nykh tsentrov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Yaroslavl', 2008.
 8. *Khvostunov K.O.* Sotsial'no-kul'turnye usloviya profilaktiki deviantnogo povedeniya podrostkov

v uchrezhdeniyakh dopolnitelnogo
obrazovaniya: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk.
Tambov, 2004.

Поступила в редакцию 8.04.2014 г.

UDC 376.58

USING OF GAME IN LEGAL CULTURE FORMATION OF OLDER ADOLESCENTS OF RISK GROUP IN TERMS OF SUPPLEMENTARY EDUCATION

Igor Konstantinovich NIZHNIKH, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, Competitor, Theory and History of Pedagogy Department, e-mail: igor-nizhnih@yandex.ru

Problems of formation of legal culture in adolescents of risk group are considered. Different approaches to understanding the legal culture and mechanisms of its formation are presented. Under the influence of socio-phenomenological approach the legal culture is defined as the unity of knowledge, ideas, values, providing mutual interpreting and understanding of all legal entities, and the possibility of legal behavior. The role of socio-legal setting, understood as non-reflexive readiness for a particular type of interpretation of the behavior of subjects of juridical relations and certain behavior as the core of the legal culture is shown. The structure of the legal culture as a pedagogical phenomenon and its relation to the socio-legal setting is disclosed. The pedagogical model based on the use of game forms and which produces legal culture even in the negative socio-legal setting is offered. A brief characterization of the used game forms is given. The features of the stages of the experimental work, principles of pedagogical models for the formation of legal culture are disclosed. The proofs of efficiency of formation of legal culture of older adolescents of risk group by means of game forms are given.

Key words: legal culture; socio-legal setting; game activity; adolescents of risk group.